

- Georgii Akropolitae Opera* / rec. A. Heisenberg ; Vol. 2 — reprint. with correct. by P. Wirth. Stuttgart, 1978.
- Geschichte der Universität in Europa*. Bd. 1. München, 1993.
- Geschichte der Universität in Europa*. Bd. 2. München, 1996.
- Hammerstein N.* Zur Geschichte der deutschen Universität im Zeitalter der Aufklärung // *Universität und Gelehrtenstand, 1400–1800*. Limburg/Lahn, 1970. S. 145–181.
- Kagan R. L.* Universities in Italy, 1500–1700 // *Populations étudiantes*. Vol. 1. Paris, 1986. P. 153–186.
- Lange H.* Vom Adel des Doctor // *Das Profil des Juristen in europäischer Tradition*. Ebelsbach, 1980. S. 279–294.
- Lemasne-Desjobert M.-A.* La Faculté de Droit de Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1966.
- Morrell J. B.* Medicine and Science in the Eighteenth Century // *Four Centuries: Edinburgh University Life, 1583–1983*. Edinburgh, 1983. P. 38–52.
- Möller R.A.* Universität und Adel: Eine soziostrukturelle Studie zur Geschichte der bayerischen Landesuniversität Ingolstadt, 1472–1648. Berlin, 1974.
- Reformation der Stadt Wormbs [Speyer]*, 1499.
- Roevelink J.* Gedichteerd verleden. Het onderwijs in de algemene geschiedenis aan de universiteit Utrecht, 1735–1839. Amsterdam, 1986.
- Speck P.* Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel. München, 1974.
- The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazhdan. N. Y. ; Oxford, 1991. Vol. 1–3.
- Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / hrsg. Th. Mommsen, P. M. Meyer, P. Krueger. Berolini, 1962.
- Visconti A.* De nobilitate doctorum legentium in studiis generalibus // *Studi di Storia e Diritto in onori di Enrico Besta, per il XL anno del suo insegnamento III*. Mailand, 1939. S. 221–241.

Статья поступила в редакцию 18.11.2010 г.

УДК 355.121.5(470)

О. В. Скобелкин

ИНОСТРАННЫЕ АВТОРЫ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦАХ В РУССКОМ ВОЙСКЕ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI в.

Анализируются сведения о западноевропейцах на русской военной службе во 2-й половине XVII в., содержащиеся в сочинениях Г. Штадена, Дж. Горсея и Дж. Флетчера.

К л ю ч е в ы е с л о в а: западноевропейцы в русском войске; военная служба; свидетельства.

С первых лет существования Российского государства московские власти стали использовать западноевропейских военных специалистов, и с каждым десятилетием эта практика приобретала все большие масштабы. К сожалению, отечественная источниковая база, содержащая информацию об иноземцах на русской военной службе в XVI в., чрезвычайно скудна в силу прежде всего

практически полного отсутствия материалов делопроизводства. Их отсутствие не могут компенсировать глухие и, как правило, крайне лапидарные упоминания о служилых немцах в летописях и разрядных книгах. В этой ситуации особую ценность приобретают свидетельства иностранцев, побывавших в России в указанный период и включивших в свои сочинения информацию об иноземной составляющей русского войска.

В апреле 1564 г. в Россию приехал вестфалец Генрих Штаден. Сначала он был толмачом в Посольском приказе, затем стал опричником, принимал участие в разгроме Новгорода, в боевых действиях против крымских татар и обороне южных рубежей России («на берегу») и, наконец, в 1576 г. покинул Россию [см.: Полосин, 1925, с. 44–47]. В своем сочинении Штаден касается нескольких сюжетов, связанных с иностранцами на русской военной службе.

Во-первых, он приводит данные об их национальной принадлежности: «Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы» [Штаден, с. 84]. Исходя из этого замечания, можно предположить, что перечень национальностей служилых иноземцев в 60–70-х гг. XVI в. был существенно шире, просто все остальные отнесены автором к «меньшей части».

Во-вторых, Штаден первым из иностранных авторов описывает порядок того, что в XVII в. будет называться «выходом на государево имя», т. е. порядок приезда в Россию иноземца, желающего послужить в русском войске, и прием его русскими властями. Приведем соответствующую часть сочинения немца-опричника полностью.

Если кто-нибудь — безразлично кто, но только не еврей¹ — приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают — зачем он пришел. Скажет он, что хочет служить великому князю, его опять расспрашивают о различных обстоятельствах. Все сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно отправляют на ямских с дворянином к Москве [куда доставляют его] в 6 или 7 дней. В Москве его снова тайно и подробно расспрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Несмотря ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. В тот самый день, когда он приходит на границу, ему выдаются еще деньги на корм до Москвы. В Москве также в день приезда выдают ему кормовую память, т. е. записку о кормовых деньгах [Штаден, с. 80–81].

В-третьих, автор записок указывает на два вида службы иноземцев, разделяя «конных немецких воинских людей» и «пеших» [Там же, с. 81]. Учитывая, что

¹ Антисемитизм русских властей при допуске иностранцев в Россию можно, наверное, объяснить личными пристрастиями Ивана Грозного, о которых упоминает Одерборн: «Грозный был веротершим. Только евреев он ненавидел: по его мнению, нельзя было верить людям, предавшим Христа» [Полосин, 1963, с. 213]. Правда, Д. Принц полагал антисемитизм присущим всем русским: «От иудеев и их религии они до того отвращаются, что совершенно никому из них не позволяют жить в своих владениях; поэтому если Московский князь возмет их в полон при завоевании города или какой либо крепости, то приказывает всех таковых топить в воде» [Даниил Принц из Бухова, с. 42]. Но и в этом сообщении можно видеть не столько настроения русского общества, сколько позицию властей вообще и Ивана Грозного в частности.

писавший о временах Василия III Герберштейн знал иноземцев только среди пушкарей и пехотинцев, можно предположить, что в коннице иностранные военные появляются в промежутке между двадцатыми и шестидесятыми годами XVI в.

В-четвертых, Штаден приводит новые, отличные от сведений Герберштейна и более подробные данные о размещении иноземцев в Москве. Он называет два места компактного расселения иностранцев: одно — это слобода «по другую сторону Яузы на Болванке» (ниже он называет эту слободу Болвановкой), где «живут все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского царя». Другое место расположено к северу от центра столицы, и там живут «немецкие стрелки и русские стрельцы». Обе эти слободы расположены в четверти мили от «Москвы» [Штаден, с. 23, 30]².

Какая-то часть служилых иноземцев жила в собственных дворах. Описывая Москву вместе со слободами, Штаден замечает, что там «много... дворов иноземцев, которые все служат великому князю. Все эти дворы были свободны от государевой службы» [Там же, с. 64]. Последняя фраза не вполне понятна; видимо, здесь имеется в виду свобода от тягла.

До пожара 1571 г. иностранцам давались уже готовые дома с приусадебными участками (правда, остается неясным, откуда брался этот резерв дворов). После пожара власти стали выделять «на Болвановке за городом» дворовые места размером 40 x 40 саженей; «место это огораживается, и иноземец волен здесь строиться, как ему угодно». При этом можно было рассчитывать и на некоторую финансовую помощь для постройки дома со стороны властей. Однако, по данным Штадена, все это распространялось лишь на иностранцев конной службы, «а не пеших» [см. : Там же, с. 81].

Во дворах служилых иноземцев могли быть русские слуги. Об этом автор записок упоминает, говоря, что иноземцам запрещено «принуждать своих русских слуг и служанок есть мясо Великим постом, по средам и по пятницам» [Там же, с. 84].

В-пятых, в записках Штадена впервые подробно описываются сюжеты, связанные с выплатой жалованья служилым иноземцам.

Иностранцы, находившиеся на службе, получали кормовые деньги и мед. Основанием для получения того и другого служил специальный документ — кормовая память. Она была действительна в течение года, и с наступлением нового года (1 сентября) иноземец «должен был требовать себе новую» [Там же, 39, 63].

Обычно мед и деньги выдавались ежедневно «на Jamme³ или на дворе» («в Москве устроен особый двор») [Там же, с. 39, 81]. Однако, видимо, нередко

² К сожалению, И. И. Полосин, переведивший сочинение Штадена, не указал, какое слово в оригинале соответствует употребленному им прилагательному «немецкий». Однако, судя по контексту, речь идет не о выходах из германских земель, а об иностранцах-западноевропейцах вообще, т. е. *немецкий* употреблено в старинном русском значении, соответствующем современному *западноевропейский*.

³ Значение слова «Jamme» неясно. По мнению И. И. Полосина, это мог быть Сытенный или Кормовой двор, какое-то урочище в Москве [см.: Штаден, с. 163, примеч. 130].

иностранцы получали деньги и питье не постоянно, а сразу на какой-то срок (10, 20 или 30 дней).

Описывая порядок выдачи жалованья, Штаден рассказывает и о хитростях, к которым прибегали ответственные за выдачу русские приказные. Если кто-то из иностранцев получал деньги не ежедневно, а сразу за предшествующий срок, то с таких «постоянно удерживали 1/10 часть».

Плutowали и при выдаче меда. Мед варился плохой и хороший; причем варка плохого сберегала треть меда-сырца. Обычно сытники «отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять — хорошо, а коли нет, то не получал ничего». Видимо, из погреба выносили, как правило, плохой мед. Но было средство получить и качественный продукт. «А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог идти в погреб и сам цедить мед [на пробу] изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал [конечно] свою полную меру» [Штаден, с. 40].

Рассказывает Штаден также о существовании другого вида жалованья — поместного. Основанием для получения поместья была память, которая направлялась (кем — неясно) в Поместный приказ и в которой говорилось о пожаловании царем того или иного иностранца тем или иным количеством земли. При этом Штаден называет варианты размеров пожалования: 100, 200, 300 и 400 четвертей.

Приискивать себе землю иноземец должен был сам, расспрашивая «там и здесь» и разыскивая бездетных вдов-помещиц. Вдове оставлялось небольшое прожиточное поместье, а из остальной земли «иноземцу отделялось по книгам по его указанию» [Там же, с. 81].

О других путях получения поместной земли Штаден не говорит, зато приводит весьма любопытные подробности процедуры наделения землей служилого иноземца: «Озимое он получает в земле, а для покупки семян на яровое ему даются деньги. Еще некая сумма денег жалуется ему на обзаведение. Вместе с тем [жалуется ему] платье, сукно и шелковая одежда, несколько золотых, кафтаны, подбитые беличьим мехом или соболями. А когда иноземец снимал жатву, с него вычитывали кормовые деньги» [Там же]. Это, пожалуй, единственное свидетельство о государственной помощи начинающим помещикам-иноземцам. Любопытно и то, что выплата кормовых денег прекращалась не с получением поместья, а с получением первого урожая в этом поместье. Что касается пожалования одежды, то здесь скорее всего следует видеть так называемое выходное жалованье, т. е. награду за приезд в Россию и поступление на службу, а не некую добавку к полученной поместной земле. Автор записок почему-то объединил эти два совершенно разные виды жалованья, хотя их могли разделять годы (от приезда в Россию до получения поместья).

Став помещиком, служилый иноземец становился и дворовладельцем. В этом качестве, по мнению Штадена, он находился в худшем положении, нежели русские помещики, потому что «сельские приказчики или фогты русских бояр считают всегда так, чтобы крестьяне иноземца несли всю тяжесть. Оттого

поместье иноземца пустело в день св. Юрия». До кризиса, поразившего Россию в 70–80-х гг. XVI в., если из поместья иноземца уходили крестьяне, он мог получить новое, и так «до трех раз». С наступлением кризиса ситуация резко изменилась: «Теперь же с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела» [Штаден, с. 84].

В-шестых, есть в сочинении Штадена и некоторые данные об участии служилых иноземцев в боевых действиях. Так, говоря о слободе «на Болванке», он говорит, что там живут «все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского царя» [Там же, с. 23].

Сочинение Штадена — это, кажется, единственный источник, в котором говорится, что в состав опричного войска сразу же были включены и иностранцы: «великий князь Иван Васильевич всея Руси... <...> ...отобрал из своего народа, а также из иноземцев особый избранный отряд» [Там же, с. 43].

Упоминает автор записок и о вероисповедании служилых иноземцев. Среди них были люди «русской веры», т. е. перешедшие в православие. Такие переходы совершались добровольно: «иноземец — кем бы он ни был — волен в своей вере». Православные иноземцы, по выражению Штадена, «дружили с великим князем». Правда, он добавляет, что теперь они убиты. Произошло ли это на войне или же перешедшие в православие иноземцы стали жертвами опричнины, остается только гадать. Видимо об опричной политике Ивана Грозного идет речь, когда Штаден добавляет, что «крещеных великий князь использует против некрещеных; некрещеных же против крещеных землевладельцев и их людей» [Там же, с. 84].

Наконец, Штаден первым из иностранцев довольно подробно описывает отдельные моменты правового положения служилых иноземцев в России, и прежде всего те льготы, которые имели иностранные служилые люди в отличие от русского населения.

Иностранцы могли держать у себя на дворе кабак, в то время как русским было строго запрещено заниматься «кормчеством». Иноземцы и их слуги были освобождены от таможенных пошлин «по всей стране». Были серьезные привилегии и по судебным делам: специальные грамоты давали иноземцу право являться в суд по искам русских только дважды в году — на Рождество и на Петров день. При этом доставить его в суд мог только тот пристав, чье имя было написано в грамоте; со всеми другими приставами, если они являлись, владелец такой грамоты мог обойтись «по своему желанию», и жаловаться на это приставам было нельзя. Иноземцы же имели право «хоть каждый день жаловаться на русских». Впрочем, эти судебные льготы, распространялись далеко не на всех иностранцев: во-первых, так было «раньше», а во-вторых, льготные грамоты выдавались великим князем лишь «некоторым иноземцам», хотя и «нередко» [Там же, с. 82].

Привилегированным было положение иноземцев и в отношении применения смертной казни. «Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто он хотел бежать за рубеж, — тогда — да поможет ему Бог!»

Судя по словам Штадена, во времена Грозного, в отличие от эпохи его отца, от которой писал Герберштейн, уйти со службы и покинуть Россию иноземцу было уже нелегко. «И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна, а из страны — узкая-преузкая» [Штаден, с. 84].

Следующим после Штадена иноземцем, жившим в России и оставившим ее описание, был англичанин Джером Горсей. В Россию первый раз он приехал в 1573 г., а окончательно покинул ее в 1591 г., четырежды за этот срок выезжая в Англию и возвращаясь обратно. Одним из результатов пребывания Горсея в России стало появление трех его сочинений: «Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича...», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея» и, наконец, наиболее объемная и важная по своей информативности работа «Путешествия сэра Джерома Горсея» [см.: Севастьянова, с. 13, 15].

В отличие от Штадена, Горсей не упоминает немцев, зато в его описании появляются англичане, голландцы, ливонцы, французы, шведы и шотландцы. При этом все эти иноземцы задействованы в стотысячной конной армии, которая ежегодно в течение мая, июня и июля противостоит крымским татарам, и не используются на западном направлении против Польши и Швеции. Горсей оговаривает малочисленность служилых иноземцев в сравнении с русскими служилыми людьми: он называет их «немногими» в составе войска из ста тысяч подданных русского царя [Горсей, с. 69]. В этом известии обращает на себя внимание факт использования западноевропейцев на южном направлении — против Крыма; в XVII в. «тульская служба» станет традиционной для так называемых московских иноземцев.

Говорит Горсей и о путях, которыми выходцы из стран Западной Европы оказывались в составе русского войска. Первый — это переход на русскую службу военнопленных, захваченных в ходе боевых действий. Горсей рассказывает, что в ходе войны со Швецией русские захватили много пленных, среди которых, кроме шведов, «были лифляндцы, французы, шотландцы, голландцы и небольшое число англичан». Все они были наемниками в армии шведского короля. Большая часть пленных была размещена под Москвой («отдельно вне города»), другие — отсланы «в отдаленные места страны». Среди тех, кто оказался под Москвой, было «85 несчастных шотландских солдат, уцелевших от семисот человек, присланных из Стокгольма, а также трое англичан, которые были в самом жалком положении». По словам Горсея, он убедил Ивана Грозного («отважился устроить так, чтобы царю рассказали») принять на службу этих иноземцев, поскольку, в отличие от шведов, поляков и литовцев, они не были врагами царя.

Правда, из рассказа не совсем ясно, кто именно был принят на русскую службу. С одной стороны, этот фрагмент «Путешествий» посвящен главным образом тому, как Горсей благодетельствовал пленных шотландцев и англичан. Он якобы добился («используя мой кошелек») того, чтобы их поселили в Немецкой слободе; разъяснил властям, что шотландцы «представляли целую нацию странствующих искателей приключений, наемников на военную служ-

бу, готовых служить любому государю-христианину за содержание и жалование», и, в связи с этим, убедил принять их на службу («если его величеству будет угодно назначить им содержание, дать одежду и оружие, они могли бы доказать свою службу, показать свою доблесть в борьбе против его смертельного врага — крымских татар»).

В то же самое время, отмечая, что этот его совет был принят и вчерашние военнопленные были взяты на службу, Горсей говорит: «...вскоре лучшие воины из этих иностранцев были помилованы и отобраны, для каждой национальности был назначен свой начальник...» Из этого сообщения следует, что на службу приняты были не только шотландцы и англичане, но и военнопленные других национальностей. Тем более что ниже Горсей говорит о «двенадцати сотен этих солдат», которые успешно сражались с татарами [Горсей, с. 70], в то время как шотландцев и англичан среди пленных было всего восемьдесят восемь человек. Обращает на себя внимание также и тот факт, что иноземцы были организованы в какие-то отряды по национальному признаку, причем каждый их отрядов имел своего командира-земляка. Следует заметить, что эта традиция продолжится и позже.

В этом же рассказе Горсей помещает важную информацию о жалованье служивых иноземцев. После зачисления пленных иностранцев на службу «им дали деньги, одежду и назначили ежедневную порцию мяса и питья, дали лошадей, сено, овес» [Там же]. Это, по-видимому, самое первое известие о выплате своего рода премии за вступление на русскую службу (дальний аналог так называемого «выходного жалованья» или жалованья за «выезд», т. е. за добровольный приезд в Россию с целью поступления на службу, о чем сохранилось много сведений в документах XVII в.) и о назначении так называемого «поденного корма» для людей, а также «лошадиного корма». В следующем столетии этих людей называли бы кормовыми иноземцами.

Несколько необычной в этой ситуации выглядит выдача лошадей принятым на службу иноземцам; более логичной была бы их покупка самими служивыми людьми за счет полученных денег. Но, как бы то ни было, принятые на службу военнопленные стали не пехотинцами, а конными воинами. Горсей подчеркнул это еще раз, говоря о том, что крымские татары «были до смерти напуганы стреляющей конницей». Что касается вооружения этой конницы, то, «вооружили их мечами, ружьями и пистолями». При этом автор «Путешествий» уверяет читателя, что до появления на южных рубежах России иностранцев, крымские татары не сталкивались до того с ружьями и пистолями; поэтому они «были напуганы до смерти... и кричали: “Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими “паффами”» [Там же, с. 70—71]. Это последнее известие выглядит неправдоподобным хотя бы уже потому, что, по данным самого Горсея, именно русские власти вооружили иноземцев ручным огнестрельным оружием; остается неясным, что мешало им использовать ружья и пистолы против татар до появления в войске иностранцев. Что касается составляющих набора вооружения этой «стреляющей конницы», то не исключено, что мы имеем дело с первым для России описанием рейтарских подразделений.

Позднее порядок содержания этой группы (скорее, какой-то ее части) служилых иноземцев изменился: «они получили пожалования и земли, на которых им разрешалось поселиться» [Горсей, с. 71]. Иными словами, поденный корм (и, возможно, денежное жалованье) был заменен поместным жалованьем (скорее всего, с процедурой верстания поместным и денежным окладом), и кормовые иноземцы превратились в иноземцев поместных.

Есть у Горсея и очень краткая информация о браках и семейном положении этих бывших военнопленных: они «женились на прекрасных ливонских женщинах, обзавелись семьями» [Там же, с. 71]. Это, кажется, самое первое по времени свидетельство о традиции служилых иноземцев жениться на живущих в России иноземках; а ливонские женщины в данном случае — это, без сомнения, члены семей ливонцев, насильно переселенных Иваном Грозным в Россию. Судя по всему, Горсей не знал случаев, когда иностранцы женились бы на русских женщинах.

Есть в «Путешествиях сэра Джерома Горсея» и данные о вероисповедании наемников короля Швеции, ставших наемниками русского царя. Автор уверяет читателя, что благодаря его связям при московском дворе он «добился разрешения для них построить церковь, много жертвовал на нее, доставил им хорошо обученного священника, который вел службу и собрание прихожан каждый воскресный день по их лютеранской вере» [Там же, с. 70]. Хотя эти сведения относятся к пленным, размещенным под Москвой, а далеко не все они поступили на русскую службу («лучшие воины») и, возможно, среди них были и католики, тем не менее указание на принадлежность к лютеранству относится и к какой-то части тех, кто вошел в состав русского войска.

В рассказе о поступлении пленных на русскую службу есть еще одна подробность. Говоря о назначении начальника «для каждой национальности», Горсей называет предводителя шотландцев — им стал Джими Лингет (Jeamy Lingett), «доблестный воин и благородный человек» [Там же].

Другая группа иностранцев попала на царскую службу также из шведской армии, но не в качестве военнопленных, а дезертировав и перейдя на сторону русских. Всю эту группу (по-видимому, небольшую) Горсей называет «несколько шведских солдат». Однако она насчитывала явно не менее десятка человек (среди них только шотландцев было семеро) и состояла, как минимум, из шведов и шотландцев [Там же, с. 107]; возможно в нее входили наемники и других национальностей. В этом рассказе об иноземцах, точно так же, как и в предыдущем, Горсей усиленно подчеркивает свое участие в судьбе шотландцев. В силу этого на страницы «Путешествий» попали некоторые любопытные подробности.

Во-первых, в этой группе, кроме шестерых шотландских солдат, оказался офицер-шотландец, «храбрый шотландский капитан» Габриэль Элфингстоун (Gabriell Elphingsten), который был своего рода командиром над своими земляками.

Во-вторых, известие Горсея несколько приоткрывает некоторые этапы жизни и службы этих шотландцев до появления их в России. Оказывается, до того, как попасть в шведскую армию, все они служили королю Дании. Об этом не-

двусмысленно свидетельствует рекомендательное письмо, принесенное Горсею шотландским капитаном. Письмо было написано неким полковником Стюартом (тоже шотландцем!), под началом которого Элфингстоун и шестеро солдат служили в датском войске.

В-третьих, примечательно упоминание самого рекомендательного письма: по-видимому, это самое первое по времени свидетельство существования такого рода документов у иностранцев, поступающих на русскую службу.

Горсей кратко описывает и дальнейшую судьбу шотландцев, и свое участие в ней: «Они умоляли меня устроить их на службу и помочь в нужде. Я дал им 300 талеров, купил платье, пистолы и мечи: когда они маршировали теперь, то смотреть на них было куда приятней, чем на шведов, которые пришли вместе с ними. Я добился, чтобы капитана Элфингстоуна поставили начальником над ними, им дали жалованье, лошадей, назначили для пропитания мясо и питье». Здесь мы встречаем уже знакомый принцип формирования подразделений из иноземцев по этническому признаку и назначения командирами таких подразделений людей той же национальности; почти тот же набор оружия (за исключением «ружей»); те же выдача лошадей и выплата «жалованья», под которым следует понимать денежное жалованье, и выдача поденного корма. Несколько странным выглядит лишь покупка для них самим Горсеем одежды и оружия. Однако это, скорее всего, не более чем фигура речи, означающая, что автор «Путешествий» ссудил шотландцев из собственного кошелька не только тремястами талеров, но и деньгами на экипировку. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует помещенное в конце рассказа о шотландцах замечание Горсея: «они... не смогли ни вернуть мне долг, ни вознаградить меня...» [Горсей, с. 107].

Кроме двух шотландских капитанов, Горсей называет по имени еще одного иноземца — «знатного человека из Гельдерланда, герра Захариуса Глизенберга (Glisenberght)». Сведения о нем содержатся в рассказе Горсея об одном из его отъездов из России — поездке в Англию в качестве посла царя Федора Ивановича в 1587 г. К этому времени Глизенберг уже умер, но до смерти он был «главным начальником наемной конницы царя» [Там же, с. 110]. Умер он в России, и здесь же оставался его 10-летний сын, которого российские власти не хотели отпускать на родину отца. Судя по тому, что за мальчика ходатайствовали правительство и король Дании, сам Захариус Глизенберг был датчанином.

В конце 1588 г. во главе английского посольства в Россию прибыл Дж и л ь с Ф л е т ч е р. В Московии пробыл он недолго (уехал не ранее середины лета следующего (1589) года [см.: Рогожин, с. 6]), но результатом его пребывания стало одно из наиболее серьезных и глубоких описаний России XVI в. Хотя, разумеется, о служилых иноземцах он располагает гораздо меньшими сведениями, чем, например, Штаден, что вполне понятно, учитывая сроки их пребывания в России, а также пути знакомства со страной наемника-немца и дипломата-англичанина.

Флетчер первым из иностранцев отмечает существование специального органа, «имеющего в своем заведовании земли, определенные на содержание

иноземных наемных солдат» [Флетчер, 2002, с. 66]. Сам он это учреждение называет «Prechase Shisiuoy Nemshoy», что К. М. Оболенский в свое время перевел как Приказ иноземный [Флетчер, 1906, с. 7]. То, что речь идет именно о приказе, сомнений не вызывает: во-первых, он упоминается наряду с другими приказами в рассказе о месте приказной системы в финансовом устройстве России; во-вторых, *prechase* явно искаженное русское слово «приказ». Однако, по мнению издателей текста Флетчера 1966 г., словосочетание, использованное английским дипломатом, является не вполне удачной попыткой передать русское звучание названия ведомства на английском, поэтому в указанном издании использован другой вариант — *Prikaz Shishevoi Nemskii* [см.: Fletcher, p. 57, 162, 174].

Что же касается использования переводчиком названия *Иноземный*, то здесь скорее всего мы имеем дело с переносом реалий XVII в. в предшествующее столетие, поскольку по русским документам первой название приказа в форме «иноземского» впервые появляется только в 1624 г. [см.: Лаптева, с. 112].

В процитированном отрывке содержится указание и на источник содержания иностранных наемников в русском войске. В одной из глав своего сочинения Флетчер рассказывает о финансовой системе в России, и в частности о том, что целый ряд приказов имеет подведомственные территории, с которых получает часть государственных взиманий, расходуя ее на тех служилых людей, которые находятся в его подчинении. Одним из таких приказов и был приказ, ведавший служилыми иноземцами. Следовательно, земли, которые, по словам Флетчера, находятся в его «заведовании», идут не в поместную раздачу, а поставляют деньги и, может быть, продукты, идущие на денежное жалование, а возможно, и корм (включая и «питье») иностранцам.

Здесь же Флетчер приводит перечень национальностей служилых иноземцев: поляки, шведы, голландцы, шотландцы «и прочие». В другой главе своего сочинения, посвященной русскому войску, Флетчер расширяет и несколько уточняет этот список: из западноевропейцев он называет еще и датчан, называет греков и турок; кроме того, поясняет, что под поляками он имеет в виду «черкес, подвластных полякам» [Флетчер, 2002, с. 87].

Приводит Флетчер данные и о численности иностранцев. «Наемных солдат из иностранцев (коих называют немцами) у них в настоящее время 4300 человек»: поляков — около 4 тыс. человек, из которых 3,5 тыс. размещены в крепостях; голландцев и шотландцев — около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд, — около 100. Приводя эти сведения, автор мимоходом упоминает и об особенностях использования служилых иноземцев в русском войске: всех вышеперечисленных «употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков», на западных же границах, в войне с поляками и шведами используют татар [Там же]⁴.

⁴ Флетчер не вполне понял, кого в России называли «немцами». Это название распространялось только на западноевропейцев, за исключением итальянцев. Ни поляков, ни греков, ни турок, ни тем более черкасов (украинцы, украинские казаки, которых Флетчер называет черкесами) немцами не называли.

Последний сюжет Флетчера об иноземцах в России посвящен крещению в православие. Отметив, что русские «стараются... всеми силами обращать в свою церковь как неверных, так и христиан других вероисповеданий, подвергая их вторичному крещению по русскому обычаю», он, единственный из иностранных авторов, приводит описание подготовки иностранца к обряду, т. е. пребывание его «под началом»: «Принимающие... русское крещение отправляются сперва в какой-либо монастырь, для того чтобы ознакомиться здесь с учением и обрядами церкви. При этом соблюдаются следующие обыкновения. Прежде всего на иноверца надевают новое чистое платье русского покроя и возлагают ему на голову венец или (летом) гирлянду из цветов; потом помазуют голову его елеем, в руки дают восковую свечу и читают над ним молитвы по четыре раза в день в продолжение целой недели. Во все это время он должен воздерживаться от мясной и молочной пищи. По прошествии семи дней он обмывается в бане, а в восьмой день приводится в церковь, где монахи наставляют его, как должно оказывать почтение образам, поклоняться перед ними, ударять головой в землю, креститься и другим подобным обрядам, составляющим самую значительную часть русской религии» [Флетчер, 2002, с. 136].

Горсей Дж. Записки о России. М., 1990.

Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877.

Лаптева Т. А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994.

Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI в. // Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925.

Полосин И. И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И. И. Социально-экономическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963.

Рогожин Н. М. Иностранные дипломаты о России XVI–XVII веков // Проезжая по Московии : (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

Севастьянова А. А. [Предисловие] Джером Горсей и его сочинения о России // Горсей Дж. Записки о России, XVI – начало XVII в. М., 1990.

Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906.

Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.

Fletcher G. Of the Rus Commonwealth. Ithaca ; N.Y., 1966.

Статья поступила в редакцию 28.01.2011 г.